

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.77

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-8-26

И. В. Кутыкова

Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова, г. Санкт-Петербург

Россиеведение как решение проблемы культурно- исторической идентичности: образ Востока в отечественной культурфилософской традиции

Рассматривается россиеведение как целостное знание о России «посреди России», объединяющее в себе знания о Востоке и Западе, интегрирующиеся и отражающиеся оригинально и плодотворно в отечественной культуре. Предпринят культурфилософский анализ отечественного духовного наследия XIX–XXI вв. в связи с вопросом актуальности перспектив развития россиеведения в культурно-исторических реалиях XXI в. Утверждается, что в условиях духовно-нравственного кризиса, поиска путей решения проблемы культурно-исторической идентичности россиеведение являет собой актуальную отрасль знания «своего», освящённого в веках достижениями, подвигами предков и их сбережениями для потомков, что создаёт прочную духовную основу для человека нового поколения.

На основании полученных автором результатов исследования проблемы идентичности человека первого постсоветского поколения, его исторического сознания обоснована перспективность россиеведения в контексте воспитания и образования, формирования и развития мировоззрения личности. Приведённые результаты исследования указывают на потребность человека нового поколения в знании России как в контексте вопроса страноведения и континентоведения в их взаимодействии и взаимовлиянии, так и, собственно, россиеведения, целостного знания о «европей-

ском» и «азиатском» начале в самой России, её истории и культуре. Наряду с устойчивым интересом к отечественной истории выявлена недостаточность владения человеком нового поколения необходимым историческим, культурологическим материалом, имеющим значение для культурно-исторической идентичности, сохранения общероссийской ментальности.

Выявлена социокультурная потребность в россиеведении как теоретико-практическом, первичном и обязательном знании о «самих себе» в контексте повседневной отечественной культуры. Для решения проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения имеют мировоззренческое и аксиологическое значение бытования российской культуры в оригинальной целостности её восточных и западных черт на повседневном уровне жизни современного общества. Перспективы дальнейших исследований проблемы культурно-исторической идентичности связаны с пристальным вниманием к «теоретическому портрету» человека нового поколения, проживающего в азиатской части России, к историческому сознанию представителя «российской Азии».

Ключевые слова: проблема идентичности, культурно-историческая идентичность, человек нового поколения, россиеведение, образ Востока, культурно-исторический тип, Россия, воспитание, образование.

I. V. Kutykova

First St. Petersburg State Medical University Named after Academician I. P. Pavlov,
St. Petersburg

Russian Studies as a Solution to the Problem of Cultural and Historical Identity: the Image of the East in the Russian Cultural Philosophical Tradition

Russian studies are seen as a holistic knowledge of Russia «in the middle of Russia.» A cultural analysis of the national spiritual heritage of the 19-th – 21-st centuries has been undertaken related to the relevance of the prospects for the development of Russian studies in the cultural and historical realities of the 21st century. It is argued that in the conditions of spiritual and moral crisis, in the search for ways to solve the problem of cultural and historical identity, Russian studies are a relevant branch of knowledge of «its own» achievements, exploits of ancestors, which create a solid spiritual basis for a new generation of people.

Based on the results of the study, the author's study of the problem of the identity of the person of the first post-Soviet generation, his/her historical consciousness, the prospect of Russian studies in the context of upbringing and education, formation and development of the personality's worldview is justified. The results of the study point to the need of a new generation of people in knowledge of Russia.

Along with a steady interest in Russian history, the lack of human possession of the new generation of necessary historical and cultural material has been revealed.

The sociocultural need for Russian studies as a theoretical-practical, primary and obligatory knowledge of «ourselves» in the context of everyday national culture has been revealed. To solve the problem of the cultural and historical identity of the person of the new generation has the ideological and axiological significance of the existence of Russian culture in the original integrity of its Eastern and Western features at the daily level of life of modern society. Prospects for further research on the problem of cultural and historical identity are connect-ed with the study of the cultural and historical identity of a new generation of people as representatives of «Rus-sian Asia.»

Keywords: *identity problem, cultural and historical identity, man of the new generation, Russian studies, image of the East, cultural and historical type, Russia, upbringing, education*

Введение. Духовное бытие человека и общества времени трансформации наполнено неопределённостью, сопряжено с возникающей угрозой потери укоренённости, или идентичности. В отечественной науке 1990–2000-х годов проблема идентичности представлена в её различных аспектах: национальном и национально-культурном, этнокультурном и этнолингвистическом, этническом, социальном и социально-историческом, социокультурном, религиозном, культурно-историческом, цивилизационном [1, с. 6]. Особое внимание в условиях проблемы исторической памяти от беспамятства до войн памяти обращает на себя внимание проблема культурно-исторической идентичности, выраженная в растерянности соотнесения «Я» с культурой и историей, сомнения и неуверенности в вопросе роли и места человека нового поколения в культурно-историческом процессе, в том числе отечественном. Суетность бытия, вихревые потоки инноваций и заимствований негативно отражаются на духовном бытии современного человека, особенно человека нового поколения. Народная мудрость гласит: «Не будь тороплив, а будь памятлив». Что и как запоминает, вспоминает человек поколений Y, Z, отмечающий торопливость, как примечательную особенность текущей современности, из многовекового культурно-исторического опыта предков, в том числе своего ближайшего окружения? Что знает он о них, каковы его связи с предшественниками на перцептивном уровне? Таковы некоторые злободневные вопросы, относящиеся к ряду задач решения пробле-

мы культурно-исторической идентичности человека нового поколения. В условиях культурно-исторической трансформации конца XX – начала XXI в. необходимо обратить внимание на вопрос диалектики исторической памяти и современности в сознании человека нового поколения, являющегося культурно-историческим существом, неразрывно связанным с культурой и историей прежде всего в её локальном (региональном), затем во всеобщем измерениях.

Современные вызовы, культурно-историческое наследие, ментальность русского / российского культурно-исторического типа выступают детерминантами задачи воспитания и образования человека нового поколения. Россиеведение во всех его аспектах, прежде всего культурно-историческом, является одним из решений проблемы идентичности, рассмотрение которого составляет цель данного исследования.

Методы исследования, теоретическая база. Вопрос россиеведения был справедливо актуализирован в научно-образовательной гуманитарной и социальной средах на протяжении первого десятилетия XXI в. Так, в 2001 г. вышло в свет первое учебное пособие В. Ф. Шаповалова; в РГГУ в 2008 г. состоялась серия научных мероприятий в рамках научно-образовательного проекта «Россика. Русистика. Россиеведение»; вышел в свет ряд публикаций по результатам исследований тем «Российская цивилизация», «Русская/западная мысль о России» философами, социологами, историками [2–9]. На протяжении рассматриваемого периода россиеведение обретает статус новой междисциплинарной области гуманитарного и социального знания; «сложного дисциплинарного комплекса»; направления и центра комплексного изучения России и распространения знаний о ней; теории России [10; 9; 2; 11]. На исходе первого двадцатилетия XXI в. следует отметить, что россиеведение представлено в сфере высшего образования, в частности в процессе подготовки филологов и специалистов в области государственного и муниципального управления [12; 2; 13; 14].

Наряду с состоявшимся утверждением россиеведения как отрасли познания и понятия «российская цивилизация» в общественном сознании, по замечанию самих исследователей, объект исследований «...безграничен и неисчерпаем. Мы находимся в начале пути собственно научного постижения российского универсума» [7, с. 520–521]; «...на самое первое место следует поставить то, о чём у

нас почему-то никто не вспоминает – дух нации (...) нынешнее низкое состояние духа российской нации поддерживается во многом искусственно – скорее, правда, не по злему умыслу, а бессознательно, в силу инерции и умственной лени» [8; с. 114–115]; «постижение России требует пересмотра и уточнения ряда привычных точек зрения в философии и теоретической социологии. (...) Страна с тяжелейшими последствиями меняет тип цивилизационного развития и втягивается в русло западной, рыночной, цивилизации, не имеющей перспектив на длительное существование. Кроме того, ослаблена популяционная мощь русского народа, размывается общероссийская идентичность, засоряется менталитет всех российских народов, ломается общий для них социальный характер» [15, с. 526, 531].

Для исследования рассматриваемой проблемы предлагается использовать междисциплинарный и генерационный (поколенческий) подходы, методы сравнительного анализа, бинарных оппозиций, анкетирования. Таковы методологические основания дальнейшего рассмотрения вопроса россиеведения.

На исходе первого двадцатилетия нового столетия следует акцентировать внимание на углубленном и комплексном анализе России, иначе говоря, развитии россиеведения в его исследовательском аспекте и отчасти его представлении в образовательном процессе. Однако всестороннее и многомерное представление россиеведения в контексте формирования и развития мировоззрения личности, его активное использование в воспитательном и образовательном процессах, связанных с инкультурацией человека нового поколения в различных его возрастных категориях (детство – отрочество – молодость), представляют, скорее всего, «возможность», тогда как степень актуальности вопроса высока. Фундаментальным вопросом выступает идентичность человека нового поколения, социализация и инкультурация которого реализуются в условиях духовного кризиса. Она выражается в аномии межпоколенных отношений, тенденции отчуждения от отечественного культурно-исторического опыта в целостности его периодов, эпох (например, человек поколения 1990-х испытывает интерес и желание знать историю СССР, в том числе историю жизни поколений родителей, ближайшего круга родственников; в целом отечественная история – первостепенное направление исторического познания и изучения),

в подражании «иному» в ущерб владению и утверждению «своего», типичное «европейничанье», доминирование метафизического типа мышления, имеющие место поверхностность и прагматичность, необоснованный критицизм в сознании молодого современника, растерянного перед отечественной культурой, историей и самими собой в ней, но, к счастью, желающего знать историю Отечества. Учитывая латентную духовную потребность человека нового поколения в знании и понимании истории Отечества, один из императивов современности, связанный с обладанием выраженной и первостепенной отечественной культурно-исторической идентичностью человека нового поколения, в том числе в контексте национальной безопасности, необходимо вывести россиеведение на уровень теоретико-практического обязательного знания, прежде всего, в воспитательном и образовательном аспектах жизни российского человека, общества, на их повседневном уровне культуры.

Классическое постижение России во всех аспектах её бытия ориентирует мыслителей на теоретическую триаду: Запад – Россия – Восток [16, с. 11–22]. Сравнительная характеристика названных типов культур обладает неким эффектом «возврата», при котором русский/российский тип культуры оказывается сколь угодно близко стоящим либо к Востоку, либо к Западу, либо объемлет их, тогда как собственно от самой себя, в своих целостности и «живознании» она пребывает в некотором отчуждении. В связи с этим, например, примечательно современное противоречие между русской культурой высочайшего мирового значения и проблемной бытовой отечественной культурой. Отсюда справедливо и актуально сетование Н. В. Гоголя на то, что *«велико незнание России посреди России»* (курсив. – И. К.), которое трансформировалось ныне в задачу формирования и развития россиеведения на фоне культурного влияния, случайных и вредоносных заимствований-унификантов, проникающих в сознание человека нового поколения. От слов и фраз-заместителей русского слова как «связующей нити времен», такого сора, как «типа», «как бы», «я в шоке», «короче», «как то, так», «сказал/отметил/написал то, что», «можно, пожалуйста», «чел», «препод», «универ» и т. п., до представлений, потребностей, поведенческих актов, стиля и образа жизни, далеко отстающих от характерных черт российского культурно-исторического типа [17]. С этим связаны и отмечаемые русскими мыслителями возможность пре-

подать великий урок другим народам, заимствование и подражание, отсутствие достоинства простого гражданина, наконец, произошедшие к концу первого десятилетия XXI в. ментальные изменения, связанные с тем, что люди стали намного более циничными, реалистичными и прагматичными, всё более похожими на представителей Европы и Америки¹.

Обращение к идее самобытности российского культурно-исторического типа, предполагает: а) выявление особенностей культуры Востока, Запада и «типического» русской, народной культуры, проявление народного духа в российской истории; б) сравнительную характеристику подходов к пониманию пути России в исторической перспективе [17]. В условиях трансформации, после крушения СССР, выраженный «вектор» внимания был направлен на Запад в той характеристике, в которой подчеркивали многочисленные писатели, историки, философы, политики на протяжении второй четверти XIX – первой половины XX в., – подражания и увлечённости «иным» [18]. К текущему моменту другим «вектором» внимания стал Восток, получивший своё выражение в различных социокультурных феноменах (от увеличения туристических потоков в страны Востока до изучения восточных языков и активного приобщения к восточной кухне). «Запад» и «Восток» – два типа культуры с определённым мировоззренческим кодом, набором ценностей, принципов, убеждений. Невольно вспоминаются строки Ф. Тютчева: «Смотри, как запад разогрелся / Вечерним заревом лучей, / Восток померкнувший оделся / Холодной сизой чешуей!».

А что же россиеведение с точки зрения целостности Запада и Востока в самой России и сколь разносторонни знания, чувства и образы в сознании человека нового поколения об «азиатском» и «европейском» в самой России, в её культурно-историческом контексте? Каковы характеристики исторического сознания человека нового поколения как представителя российской Азии? Как представлен образ Востока в отечественной культурфилософской мысли?

Результаты исследования и их обсуждение. Предусматривая задачу выработки ответа на первый из поставленных вопросов, следует учесть результаты исследования проблемы культурно-исторической идентичности «постсоветского человека», получен-

¹ Портрет героя нашего времени, или Как мы изменились за десять лет // Уездный телеграф. 2007. № 38.

ные автором на протяжении 2006–2015 гг. В них отражены тенденции интереса к истории, проявляемого представителями первого постсоветского поколения, чьи годы рождения приходятся на начало и вторую половину 1990-х. История каких стран и времен преимущественно вызывает интерес молодёжи поколения 1990-х? Согласно полученным автором результатам, особое значение в ряду исторических периодов и стран, вызывающих не только интерес, но и потребность в знании и понимании в контексте современной действительности, приобретает отечественная история. Для представителей поколения начала 1990-х первостепенное и возрастающее значение в ряду названных стран, исторических периодов и эпох имеет история Отечества, затем всеобщая история, история стран и континентов. Для представителей первого постсоветского поколения, рождённых во второй половине 1990-х гг., более привлекательна всеобщая история (Средневековье; Древний мир; XX век; все/многое; эпоха Возрождения, современность; Новое время), в связи с чем существенно расширяется и круг названных респондентами стран, история которых интересна: США и Япония; Англия (Великобритания) и Германия; Франция; Испания; Дания, Ирландия, Италия, Турция, Норвегия, Швеция, Индия, Китай. Примечательно, что в рамках данного вопроса респонденты называют отечественную историю, не дожидаясь специального вопроса, посвящённого периодам, эпохам в истории России. Особенно выделяется респондентами история XX века (СССР), затем отмечается история императорской России; история России в контексте всемирной истории; «все/многое»; история Древней Руси; современность.

В связи с повышенным вниманием к истории СССР, а также вопросом духовного наследования новыми поколениями исторического опыта обнаруживается как потребность в утверждении в текущей современности, так и недостаточность владения человеком первого постсоветского поколения историческим, культурологическим материалом, формирующим его культурно-историческую идентичность, с сохранением и укреплением его общероссийской ментальности с характерными для неё чертами.

В связи с данным вопросом нельзя не отметить выявленную мировоззренческую коллизию: первостепенное внимание и потребность в знании истории СССР сопровождается равнозначной положительной и негативной оценкой исторического опыта СССР.

Участники опроса 2014–2015 гг. уточнили, что из исторического опыта России они, непременно, перенесли бы в настоящее и будущее: черты народного характера, духовно-нравственные ориентиры; опыт СССР; достижения в области политики и культуры. В ряду черт народного характера, духовно-нравственных ориентиров, выделяемых человеком нового поколения из исторического опыта России, отмечены: «единение, любовь, простота, без этого мы – ничто», «возрождение духа русского народа», «патриотизм людей» – студенты 5 курса; «человечность», «вера в светлое будущее», «более активный и нравственный образ жизни», «русское мужество, стойкость, отвага, доброта, милосердие», «интерес, уважение к старшим», «самоотверженность, любовь к Родине», «самобытность, доброжелательность к другим народам», «дружба народов», «нам необходимы сплоченность и единство», «русский характер» – студенты 1–2 курсов. Примечательно сближение исторических периодов и эпох в таких ответах респондентов, как «система образования СССР и царской России», «научные достижения в царской России и Советском Союзе». Однако данная мировоззренческая позиция нуждается в своём формировании и развитии в процессе воспитания и образования человека нового поколения. Представители поколения 1990-х не хотят переносить из опыта отечественной истории войны, СССР, крепостное право, тоталитаризм, репрессии, культ личности, переломы в истории, революции, гонение веры. Парадокс исторического сознания нового поколения заключается в том, что важная для постижения история СССР одновременно оказывается как в ряду исторически значимого для принятия и продолжения исторического опыта новым поколением, так и отрицаемого им. Не случайно в этой связи 2/3 респондентов 2014–2015 гг. уверены в необходимости углубления знаний о культуре и истории Отечества у новых поколений.

Приведённые результаты исследования указывают на потребность человека нового поколения в знании России как в контексте вопроса «Россия, Европа, Азия», страноведения и континентоведения в их взаимодействии и взаимовлиянии, так и, собственно, россиеведения, целостного знания о «европейском» и «азиатском» началах в самой России, её истории и культуре. Необходимость такого знания сопряжена с воспитанием человека нового поколения, развития в нём чувства уважения и достоинства, признания само-

бытности, уникальности культуры и её представителей в различные исторические времена и в разнообразных поколениях как ценности.

Вырабатывая ответ на второй поставленный вопрос (Как представлен образ Востока в отечественной культурфилософской мысли?), следует вспомнить наиболее типичные идейные ориентиры в культурфилософской традиции. Современные процессы глобализации с её положительными и отрицательными характеристиками неотступно направляют общественное сознание к рассмотрению вопроса места и смысла России, её истории, культуры и природы в глобальных взаимодействиях. Бурные информационные потоки, стремящиеся через всемирную сеть в сознание людей, распространение массовой культуры, технизация влекут за собой унификацию человеческого бытия. В связи с этим наряду с расширяющимся единым началом в мире активно наращивает своё значение процесс регионализации. Он выражается в том, что национальная культура подпадает под охранительное начало локального общества и противостоит тому, что Н. Я. Данилевский назвал «активным культурным влиянием» [19, с. 98–99].

Учение о всеединстве как одно из характерных учений русской философии включает в себе представление о своеобразном типе глобализации, основу которого должны составлять межкультурное взаимодействие, выражение духовно-нравственных начал, какие содержит в себе российский тип культуры, до своего предельного состояния в истории как богочеловеческом процессе. Невзирая на разногласицу суждений о путях развития России в мировом пространстве, мыслители XIX–XX вв. в целом проявили единодушие в вопросе целостности, присутствия в её судьбе «Востока» и «Запада». Современные типы российского геополитического мышления также отражают особенности России как Евразии. И выбор приоритетной модели внешнеполитического развития России сопряжён с выбором стратегий российского освоения постсоветского пространства в евразийском регионе. Если вопрос геополитической идентичности России преимущественно является делом политическим, то вопрос национальной, культурно-исторической идентичности предстает задачей духовной. Исходным положением её является тезис: своё место в истории человечества и в душе человека занимает любая культура, в которой происходит формирова-

ние личности и воплощение духа народа. Российский тип культуры самобытен и многогранен, и при всех проявлениях межкультурного взаимодействия выводим из истории России. Носителю и представителю российской культуры следует любить и знать, ценить и дорожить, сохранять и продолжать в поколениях её типичные черты, сохраняя свою привлекательность и неповторимость. А еще нужна «мечта России», на недостаточность которой обратил внимание В. В. Розанов, сторонник идеи «мозаичности и эклектизма в истории», «преданности человека всему особенному, каждой частной форме жизни, какая дана ему» [20, с. 45, 59]. Собственно легендарный образ России – невидимый град Китеж – являет собой одну из главных характеристик русской души – загадочность, наряду с её широтой – «птицей-тройкой» (Н. В. Гоголь) или «проселочной дорогой» (Н. М. Минский). В числе прочих они являются самобытными чертами русского духовного бытия, а также включают в себе свойства мечты и мечтательности.

Опыт отечественной мысли демонстрирует, что тема соотношения культурно-цивилизационных типов «Восток», «Запад», «Россия», а также места и роли России в мировом пространстве является хрестоматийной и по сути традиционной на протяжении всего исторического пути России. Осознание остроты исторической значимости темы России возникает на «гребне волн» российской истории XX и XXI вв. Она занимает достойное место и имеет особое звучание в творчестве поэтов Серебряного века, получая многоаспектное освещение: Россия: Восток или Запад, Россия – Мессия, миссианство Родины, единство судьбы человека и судьбы России, смысл местной истории. Непростая судьба России становится темой размышлений поэтов, в которых одно из центральных мест занимает вопрос о том, что есть Россия, какова её роль в мировой истории: А. Блок «Скифы» (1918), С. Есенин «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (1922), В. Хлебников «Бурлюк» (1921), «Хаджи-Тархан» (1913). Россия, вобравшая в себя Восток, объединившая Восток и Запад, иначе, как назвал В. Хлебников, «расширенный материк», Россия, являющая собой «мессию грядущего дня», – такой увидели её поэты эпохи «русского культурного ренессанса». Благотворное смешение культур, обычаев, нравов, религий – излюбленный мотив творчества В. Хлебникова. В русском национальном космосе – в истории и искусстве, подчёркивал поэт, неразрывны два начала

– европейское и азиатское. Кроме идеи евразийства в поэтическом творчестве оказались выражены идеи миссианства и мессианизма. Роль России как центра объединения славянских племен отражена В. Хлебниковым в поэмах «Лесная дева», «Шаман и Венера», «И и Э», «Вила и Леший». Россия, сопрягающая Восток и Запад, представлена А. Блоком, А. Белым, В. Хлебниковым. Россия как спасительница судеб Европы, выстрадавшая эту роль через собственные испытания, выступает в творчестве М. Волошина. Россия, вынесшая испытания «роковых разрух», «огневой стихии», представляется А. Блоку «мессией грядущего дня» («Родине», 1917). Поэт-мыслитель М. Волошин заклинает русскую землю от страданий, вражды и уповаает на возрождение России: Чтоб на распутьях сказочных дорог / Ты сторожила запад и восток. / И вот, вся низменность земного дна – / Тобой, как чаша, до края полна («Благословение», 1923).

Внимание к рассматриваемой теме типично и для отечественной научно-философской и литературной сред исторического порубежья XX–XXI вв. Философы подчёркивают спасительную роль духовного наследия России в контексте глобальных преобразований. Так, А. С. Панарин подчеркивает, что «именно Россия в переломные эпохи драматических разрывов мирового пространства-времени берёт на себя задачу сращивания разошедшихся мировых структур» [21, с. 56]. В. Н. Дуденков акцентирует внимание на учении всеединства, значении русского универсализма, заключающем в себе «подлинное единство вселенского бытия, людей и общества, веками существующих в разладе», для решения проблем в условиях постмодернистской парадигмы, постмодернизма, как «тотальной безнадежности бытия» [22, с. 68, 91]. Ю. В. Мамлеев формулирует доктрину Вечной России, отмечая: «И России, в конце концов, нужно только одно: продолжать быть, раскрывая Себя, со всей силой своей национальной воли сохранять себя, свой народ, свое государство. Отстоять свою самобытность и своё существование – для этого у неё есть все возможности...» [23, с. 153].

Художественная современная литература имеет тенденцию культурно-исторической самобытности. Например, на страницах последнего романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» наряду с традиционной для писателя темой отношений человека и природы представлена тема столкновения Востока и Запада. На фоне произошедших перемен в общественной жизни и сознании

людей в связи с крушением СССР и с утверждением иных, донные не известных и чуждых подходов к жизни на фоне глобализационных процессов она проявляется как инновация, уродующая сознание и губительная для жизни человека восточной культуры. В романе «Тавро Кассандры» Ч. Айтматов художественно-философски раскрыл скрытые и явные проблемы современного человечества. Один из главных героев романа по аналогии с древнерусским историческим персонажем носит имя «монаха Филофея». Только вот образ «третьего Рима» писатель проецирует на душу современного человека, если он готов к самоспасению и спасению человечества посредством духовного очищения от зла. В романе О. Славниковой «2017» раскрывается фундаментальная тема современной культуры и цивилизации – симулированная, ненастоящая, реальность на примере современной российской действительности вплоть до 2017 г., при этом имеет определенное значение ретроспективное обращение к событиям столетней давности и переживаниям, где ощутим «подлинный, соленый и горелый вкус Истории».

Нельзя не вспомнить образцы взаимного проникновения культуры, обращаясь к страницам истории искусства России. История искусства, согласно М. С. Кагану, способна предстать «как единый в своём историческом и этническом разнообразии культурантропологический текст ... Художественная критика, искусствоведческая мысль, философская рефлексия должны содействовать... сегодня и не столько в интересах самого искусства, сколько *в интересах человека, его самосохранения и тем более дальнейшего развития и совершенствования*» [24, с. 296]. Так, в истории культуры России находим образцы достойного воплощения интереса к Востоку. Достаточно вспомнить в русском искусстве стиль классицизма с органично вплетёнными в его ткань «тюркери» и «шинуазри», царствование Екатерины Великой, отмеченное большим вниманием к восточной теме в культуре (например, любимейшая резиденция императрицы Царское Село). Одновременно с этим, как писал журнал «Русская старина» (1870–1918) о екатерининской эпохе, «по вступлении Екатерины на престол жизнь русского дворянства приняла решительное склонение к обычаям, нравам, вкусам и общественной жизни французов. Давно уж Париж был для Европы образцом утонченного вкуса и обхождения. Кажется, мини-Европа утверждается в жизненном пространстве Российской империи» [25, с. 258].

Существующее принципиальное отличие Востока и Запада вызывает взаимный интерес. В нём выражается стремление человека к достижению гармонии чувственного и рационального, веры и разума, созерцания и деятельности, терпения и агрессии. Направление «глобальная история» противопоставляет всеобщей истории, которой присуща европоцентристская, линейная и детерминистская по своему происхождению модель истории, идею полицентрического мира, развитие которого осуществляется через экологические, культурные и политические кризисы с непредсказуемым исходом. Вместо линейной и многолинейной всеобщей истории предлагается многоуровневая сетевая модель глобальной истории, учитывающая взаимность каких-либо воздействий на «мировом поле взаимодействия исторических сил» [26]. Современный писатель Х. Маруками на страницах своих произведений показывает, что в современной японской жизни присутствуют как тысячелетние порядки и традиции, так и западноевропейские заимствования. Однако их наличие ещё более подчеркивает самобытность японской культуры. Так же обстоит дело и в современном Китае, где торжествуют идеи даосизма и конфуцианства наряду с социалистическими идеалами и принципами рыночной экономики. Известно, например, что китайская чайная церемония изучается школьниками в качестве учебного предмета, а «секрет» традиционного производства бумаги охраняется от претензий «чужих» производителей, улицы городов современного Китая пестрят оранжевыми фонариками, символически освящающими преемственный исторический путь. Выражением взаимного и созидательного интереса Запада и Востока является литературное творчество австралийского писателя Грегори Дэвида Робертса («Шантарам», «Тень горы» и др.) и Орхана Памука, турецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (2006 г.) за «поиск души своего меланхолического города», г. Стамбула, «ставшим своеобразным местом встречи Востока и Запада» («Имя мне – Красный», «Дом тишины» и др.).

Мир вследствие различных и многообразных взаимодействий давно уподобился калейдоскопу с его красивыми и причудливыми картинками. И подчас весьма затруднительно провести чёткую грань, определяющую степень превалирования Востока и Запада в культурной жизни человечества. Однако всегда есть и должна быть возможность и необходимость обозначения контуров «типическо-

го» в самобытных и равноправных в истории культурных типах. Россияведение – актуальная отрасль знания «отечественного», «своего», освящённого в веках достижениями, подвигами предков и их сбережениями для потомков, что создаёт прочную духовную основу для молодых современников, их культурно-исторической идентичности.

Заключение. Резюмируя, необходимо акцентировать внимание на следующих положениях: в условиях духовно-нравственного кризиса, поиска путей решения проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения россияведение становится насущной задачей современной культуры, от исторической до повседневной, воспитания и образования. Россияведение представляет собой знание России «посреди России» как культурно-исторического типа, объединившего в себе черты Востока и Запада, интегрирующиеся и отражающиеся специфически, оригинально и плодотворно в отечественной культуре, в различных формах общественного сознания. В условиях глобализации, после крушения СССР и в соответствии с посттравматическим состоянием духа человека и общества конца XX – начала XXI в. внимание российского человека и общества к западной культуре, её ценностям, традициям оказалось доминирующим с тенденцией «активного культурного влияния», влекущего за собой угрозу прерывности связи с отечественным культурно-историческим типом, как следствие, проблему культурно-исторической идентичности. До недавнего времени образ Востока, объединяющий в себе как историческую память о нашествиях с Востока на Русь, так и культурфилософские интенции, в которых образ Востока аккумулирует в себе черты таинственности, созерцательности и утончённости, оставался без должного внимания. Преодолению редукционизма в понимании самобытности российского культурно-исторического типа, «Я» как культурно-исторического существа, принадлежащего российской культуре и истории, способствует активное внимание, направленное на Россию. Изучение и знание России, сопрягающей Восток и Запад в своём культурно-историческом типе, предполагает исследование проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения, проживающего в азиатской и европейской частях России, проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения как представителя российской Азии. При-

стальное внимание человека нового поколения к отечественной культуре и истории, глубокое овладение культурно-историческим знанием, их практическая реализация в различных видах деятельности, в межличностных отношениях в соответствии с подходами к пониманию культуры, многообразием её форм, а также на всех уровнях, теоретическом и обыденно-практическом. В контексте вопроса культурно-исторической идентичности человека нового поколения имеет значение выраженное бытование российской культуры в оригинальной целостности её восточных и западных черт на повседневном уровне.

Библиографический список

1. Кутыкова И. В. Проблема идентичности «постсоветского человека»: диалектика исторической памяти и современности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2019. 61 с.
2. Шаповалов В. Ф. Россиеведение : учебное пособие. М.: Фаир-пресс, 2001. 573 с.
3. Смирнов П. И. Слово о России: беседы о российской цивилизации. СПб.: Химиздат, 2004. 324 с.
4. Лаптева Е. В. Американское россиеведение: образ России. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 118 с.
5. Прохоренко А. В. Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX века) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 40 с.
6. Симуш П. И. Теоретическое россиеведение. XX век. М.: ВИУ, 2005. 307 с.
7. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. 522 с.
8. Горянин А. Б. Оптимистическое россиеведение. М.: Национальная лига управляющих, Учебный центр МФЦ, 2008. 388 с.
9. Ерыгин А. Н. Философское россиеведение: мысль о России и русская мысль. Ростов н/Д: Альтаир, 2010. 352 с.
10. Россия. Русистика. Россиеведение : материалы конференций и круглых столов / редкол.: Е. И. Пивовар. М.: Издательский центр РГГУ, 2010. 412 с.
11. Чубайс И. Б. Российская идея. Становление и история, разрыв и возрождение. Россиеведение, или теория России. Истоки и бессмыслие советского коммунизма; философская публицистика. М.: Аква-терм, 2012. 480 с.
12. Водопьянова Г. А. Россиеведение. Тарханы в судьбе М. Ю. Лемонтова : учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. 24 с.

13. Шаповалов В. Ф. Цивилизационный путь России: история и современность: университетский центр комплексного изучения России и распространения знаний о России: методологические принципы, проект, программа. М.: Научная библиотека, 2013. 83 с.
14. Россиеведение: особенности развития российской цивилизации : тексты лекций. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2018. 207 с.
15. Смирнов П. И. Постижение России: взгляд социолога. СПб.: Алетейя, 2020. 574 с.
16. Кутыкова И. В. Культура и цивилизация в контексте истории. СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2012. 56 с.
17. Кутыкова И. В. Историческое сознание первого постсоветского поколения. СПб.: РИЦ ПСПбГ-МУ, 2016. 240 с.
18. Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 616 с.
19. Кутыкова И. В. «Активное культурное влияние» и актуальность идеи культурно-исторической самобытности // Дни петербургской философии – 2009 : материалы Международной конференции «Философия в диалоге культур: взгляд из Петербурга», 19–21 ноября 2009 г. СПб.: Копи-парк, 2009. 200 с.
20. Розанов В. В. Старое и новое // Литературные очерки : сборник статей. СПб., 1902. С. 1–60.
21. Философия истории : учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
22. Дуденков В. Н. Универсализм и постмодернизм: историософские очерки. СПб.: ОМ-пресс, 2008. 244 с.
23. Мамлеев Ю. В. Россия вечная. М.: АиФ-Принт, 2002. 336 с.
24. Каган М. С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб.: Logos, 2003. 320 с.
25. Русская старина: путеводитель по XVIII веку / авт.-сост. А. В. Кур-гатников. М.: Культура; СПб.: ЛИК, 1996. 380 с.
26. Ионов И. Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 18–29.

References

1. Kutykova I. V. *Problema identichnosti «postsovetskogo cheloveka»: dialektika istoricheskoy pamyati i sovremennosti* [Problem of identity of the «post-Soviet man»: dialectics of historical memory and modernity: author's abstract. Dr. sci. diss. abstr.]. Saint Petersburg, 2019. 61 p. (In Russ.)
2. Shapovalov V. F. *Rossievedenie* [Russian Studies]. Moscow, Fair-press, 2001. 573 p. (In Russ.)

3. Smirnov P. I. *Slovo o Rossii: besedy o rossiyskoy tsivilizatsii* [Word about Russia: conversations about Russian civilization]. Saint Petersburg, Himizdat, 2004. 324 p. (In Russ.)
4. Lapteva E. V. *Amerikanskoe rossievedenie: obraz Rossii* [American Russian studies: the im-age of Russia]. Yekaterinburg, Ural University Publishing house, 2004. 118 p. (In Russ.)
5. Prokhorenko A. V. *Filosofskoe rossievedenie v ideynoy polemike porevolutsionnoy emigratsii (pervaya polovina XX veka)* [Philosophical Russian studies in the ideological polemics of post-revolutionary emigration (the first half of the XX century). Dr. sci. diss. abstr.]. Saint Petersburg, 2006. 40 p. (In Russ.)
6. Simush P. I. *Teoreticheskoe rossievedenie. XX vek* [Theoretical Russian studies. XX century]. Moscow, VIU, 2005. 307 p.
7. Yakovenko I. G. *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyy analiz* [Cognition of Russia: civilizational analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 522 p. (In Russ.)
8. Goryanin A. B. *Optimisticheskoe rossievedenie* [Optimistic Russian studies]. Moscow, Na-tional League of managers, MFC Training center, 2008. 388 p. (In Russ.)
9. Erygin A. N. *Filosofskoe rossievedenie: mysl' o Rossii i russkaya mysl'* [Philosophical Russian studies: thought about Russia and Russian thought]. Rostov-on-don, Altair, 2010. 352 p. (In Russ.)
10. *Rossika. Rusistika. Rossievedenie: materialy konferentsiy i kruglykh stolov* [Rossika. Russian studies. Russian studies: materials of conferences and round tables / editor: E. I. Pivovar]. Moscow, Pub-lishing center of RSUH, 2010. 412 p. (In Russ.)
11. Chubais I. B. *Rossiyskaya ideya. Stanovlenie i istoriya, razryv i vrozozhdenie. Rossievedenie, ili teoriya Rossii. Istoki i bessmyslie sovetского kommunizma; filosofskaya publitsistika* [The Russian idea. Formation and history, break and rebirth. Russian studies, or the theory of Russia. The origins and nonsense of Soviet communism; philosophical journalism]. Moscow, Akva-term, 2012. 480 p. (In Russ.)
12. Vodopyanova G. A. *Rossievedenie. Tarkhany v sud'be M. Yu. Lemontova* [Russian Studies. Tarkhany in the fate of M. Y. Lermontova: a training manual]. Tambov, TSU Publishing house, 1998. 24 p. (In Russ.)
13. Shapovalov V. F. *Tsivilizatsionnyy put' Rossii: istoriya i sovremennost': universitetskiy tsentr kompleksnogo izucheniya Rossii i rasprostraneniya znaniy o Rossii: metodologicheskie printsipy, proekt, pro-gramma* [Civilizational path of Russia: history and modernity: University center for comprehensive study of Russia and dissemination of knowledge about Russia: methodological principles, project, program]. Moscow, Scientific library, 2013. 83 p. (In Russ.)
14. *Rossievedenie: osobennosti razvitiya rossiyskoy tsivilizatsii* [Russian Studies: features of the development of Russian civilization]. Chelyabinsk, Chelyabinsk state University Publishing house, 2018. 207 p. (In Russ.)

15. Smirnov P. I. *Postizhenie Rossii: vzglyad sotsiologa* [Comprehension of Russia: a sociologist's view]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2020. 574 p. (In Russ.)

16. Kutykova I. V. *Kul'tura i civilizaciya v kontekste istorii* [Culture and civilization in the con-text of history]. Saint Petersburg: Spbgti (TU), 2012, 56 p. (In Russ.)

17. Kutykova I. V. *Istoricheskoe soznanie pervogo postsovetского pokoleniya* [Historical con-sciousness of the first post-Soviet generation]. Saint Petersburg, RIC Pspbsmu, 2016. 240 p. (In Russ.)

18. *Razmyshleniya o Rossii i russkikh. «Vtoraya filosofiya» russkogo cheloveka* [Reflections on Russia and the Russians. «The second philosophy» of the Russian person]. Moscow, Moscow school of polit-ical research, 2006. 616 p. (In Russ.)

19. Kutukova I. V. «Aktivnoe kul'turnoe vliyanie» i aktual'nost' idei kul'turno-istoricheskoy samobytnosti [«Active cultural impact» and relevance of the ideas of cultural-historical identity]. Days of Petersburg philosophy-2009: materials of the International conference «Philosophy in the dialogue of cultures: a view from St. Petersburg», November 19–21, 2009. Saint Petersburg, Kopi-Park, 2009. 200 p. (In Russ.)

20. Rozanov V. V. *Staroe i novoe. Literaturnye ocherki* [Old and new. Literary essays: collection of articles]. Saint Petersburg, 1902, pp. 1–60. (In Russ.)

21. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history; edited by A. S. Panarin]. Moscow, Gardariki Publ., 1999. 432 p. (In Russ.) (In Russ.)

22. Dudenkov V. N. *Universalizm i postmodernizm: istoriosofskie ocherki* [Universalism and postmodernism: historiosophical essays]. Saint Petersburg, OM-press, 2008. 244 p. (In Russ.)

23. Mamleev Yu. V. *Rossiya vechnaya* [Russia eternal]. Moscow, AIF-Print, 2002. 336 p. (In Russ.)

24. Kagan M. S. *Se chelovek... Zhizn', smert' i bessmertie v «volshebном zerkale» izobrazitel'nogo iskusstva* [Se man... Life, death and immortality in the» magic mirror « of fine art]. Saint Petersburg, Logos Publishing house, 2003, 320 p. (In Russ.)

25. *Russkaya starina: putevoditel' po XVIII veku* [Russian antiquity: a guide to the XVIII century; author-comp. A. V. Kurgatnikov]. Moscow, Culture; St. Petersburg, LIK, 1996. 380 p. (In Russ.)

26. Ionov I. N. *Osnovnye napravleniya i metodologiya global'noy istorii* [Main directions and methodology of global history]. New and recent history [New and recent history], 2002, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.)